

Бенедетто Кроче Вопрос о методе в истории философии

Ю.Г. Россиус

Предисловие к переводу

Россиус Юлия Геннадиевна – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: juliarossius@yandex.ru

Настоящая публикация знакомит читателя с переводом очерка Бенедетто Кроче из сборника его поздних работ «Философия и историография». Здесь он задается вопросом о том, как историку философии следует интерпретировать те моменты, когда мысль изучаемого философа случайно или намеренно не проясняется им или ее развитие останавливается в определенной точке. Перебирая возможные причины этого, Кроче затрагивает несколько тем, которым были посвящены его более ранние исследования и к которым он возвращался на протяжении всего творческого пути. Так, он обращает внимание на противоречие в теории познания Дж. Вико, которое состоит в применении принципа *verum-factum* не только к истории, но и к математическим наукам: с одной стороны, достижение истины в познании природы, согласно Вико, доступно только Богу, так как он сотворил природу, а с другой – для человека оказывается достижима истина в математике, так как он «творит» математические элементы и операции, а вместе с ними и метод естествознания. Кроче указывает в качестве примера также и на одно из противоречий в философии природы Гегеля, состоящее в смешении эмпирического и спекулятивного методов и приведшее к наделению естественных наук статусом «недофилософии», к неправомерному применению диалектики к фактам и понятиям естественных наук. Будучи убежден, что формула *verum-factum* может быть соединена с учением абсолютного спиритуализма, Кроче предостерегает от того, чтобы приписать такое соединение самому Вико, так как это означало бы перенесение в его теорию более позднего опыта и состояния знания.

Ключевые слова: метод, диалектика, историцизм, абсолютный спиритуализм, *verum-factum*, историография, Б. Кроче, Дж. Вико

Очерк «Вопрос о методе в истории философии», перевод которого представлен в настоящей публикации, был написан Бенедетто Кроче в 1946 г. и напечатан в книге «Философия и историография»¹ (1949). Сюда были включены разрозненные

¹ Несколько избранных статей из этого сборника были опубликованы в переводе С. Мальцевой в книге: [Кроче, 1999].

маленькие работы, заметки, эссе трех послевоенных лет, подготовленные философ по разным случаям и посвященные прояснению тех или иных моментов его философии; здесь же в качестве приложения был напечатан текст речи Кроче, с которой он выступил по случаю открытия 16 февраля 1947 г. в Неаполе Итальянского института исторических исследований. Вопросы, поднимаемые в очерках и речи, так же, как и фигуры, на которых Кроче останавливается, уже рассматривались им прежде достаточно подробно; теперь они возникают, как он пишет в предисловии, в связи «с новыми поворотами и соображениями»: «Иногда, когда мой демон побуждает меня к исправлению и пересмотру философии, мне хочется умолять его оставить меня в покое, и пусть я, наконец, отдохну. <...> Но поиск истины... как и любая другая обязанность, принадлежит не к непредвиденным обстоятельствам, а к вечному, и потому это не действие, от которого можно отказаться или о котором можно попросить разрешения» [Croce, 1949, p. VII].

Очерк «О методе в истории философии» – совсем короткий, как, впрочем, и большинство работ в этом сборнике. Он интересен тем, что здесь широкими мазками набросано сразу несколько тем, которые волновали Кроче на протяжении всего его творчества, начиная со времени создания системы и первых историко-философских работ. Философ не разбирает ни одну из них подробно, он как бы напоминает о них и говорит: тот, кто читал мои работы, знает, что я имею в виду. Поэтому некоторые моменты ввиду их фрагментарного характера нуждаются в пояснении.

Кроче начинает очерк с описания ситуации, когда историк философии, интерпретируя мысль кого-то из философов прошлого, сталкивается с недосказанностью в отдельных ее ходах, остановками и отклонениями в ее движении, когда какие-то выводы умалчиваются или когда процесс рассуждений почему-то обрывается, и задается вопросом, что послужило причиной этому и как это следует трактовать. Философ приводит в качестве примера «случай Вико», указывая на непоследовательность в применении им его универсального принципа познания, формулы истины: *verum ipsum factum* – истинное как сделанное (истина дается человеку только в том, что было сделано им самим). С одной стороны, человеку, согласно Дж. Вико, полностью открыто познание истории, потому что это наука о том, что делается самими людьми, в то время как естественные науки истинного знания не дают, ведь элементы физического мира не могут создаваться человеком. Истины о природе находятся в ведении Бога, сотворившего природный мир, а человек довольствуется лишь частичным, неистинным, но практически полезным знанием о нем. С другой стороны, говорит Кроче, к этой теории Вико примешивается его более ранняя идея о математике: разум человека может достигать ее истин, ибо в этой сфере человек, подобно Богу, оказывается творцом (человек не открывает математические правила, он создает, производит математику как собственную символическую систему), но только не на уровне Вселенной, а на уровне абстракций – воображаемых линий и чисел. В публикуемом очерке Кроче замечает, что принцип *verum-factum* в применении к математике не может не потянуть за собой через математический метод и естествознание, что приводит к противоречию в конструкции Вико.

В этом пассаже Кроче возвращается к теме, заботившей его еще много лет назад во время написания им книги «Философия Джамбаттисты Вико» (1911 г.). Кроче увидел непоследовательность в том, что после «открытия новой науки» и применения формулы *verum-factum* в отношении истории Вико по-прежнему продолжал применять ее и по отношению к математике. Здесь Кроче делает акцент на фиктивном² статусе математических объектов, на том, что на самом деле невозможно

² Согласно Вико, человек конструирует мир форм и чисел для своего использования, опираясь не на реальные вещи, а на абстрактные элементы. «Математические элементы не имеют эмпирического происхождения, но с помощью абстракции (осуществляемой над метафизическими

признать истинной наукой ту, что работает исключительно с абстракциями: «Если математические дисциплины произвольно (курсив мой. – Ю.Р.) формируют понятия³, – пишет он, – если они производят фикции, а не истины, то они, по правде говоря, отнюдь не являются ни науками, ни вообще знанием, и совершенно невозможно сравнивать их с божественной наукой (историей. – Ю.Р.), которая является наукой о живой реальности» [Croce, 1949, p. 28–29]. По мнению Кроче, главное открытие Вико состояло именно в применении к истории уже сформулированного им прежде (и примененного к математике) гносеологического принципа *verum-factum*, но это открытие не повлекло за собой переворота в теории Вико, он встроил его в уже имеющуюся концепцию, не увидев здесь противоречия, – к человеческой науке о математическом мире он прибавил божественную науку о человеческом мире, расширяя таким образом прежнюю теорию и вместе с тем область истинного познания [Ibid., p. 23].

Вопрос о том, почему Вико не обратил внимания на различие в применении своей формулы познания в математических и исторических науках, интерпретируя в обоих случаях истинное как *verum*⁴, остается для Кроче открытым. Он упоминает похожий, как ему кажется, случай у Гегеля. Он обращает внимание на смешение спекулятивного и эмпирического методов в «Философии природы»; оно приводит, с одной стороны, к тому, что естествознание становится у Гегеля своего рода «полу-философией», подготовительным этапом (*Vorarbeit*) философии, а с другой – к неправомерному применению диалектики к фактам и понятиям естественных наук. Здесь Кроче возвращается к критике Гегеля, которой он посвятил многие страницы своих работ, начиная с перевода им «Энциклопедии философских наук» и написания книги «Что живо и что мертво в философии Гегеля». Здесь, в частности, он говорит о гегелевском злоупотреблении диалектикой в сфере философии природы, которое выражается в лишении частных наук их автономного статуса, в трактовке эмпирических понятий как частных философских понятий и приложении к ним диалектического метода [Croce, 1907, p. 169–170].

Возвращаясь к формуле *verum-factum*, но уже с позиций своей теории, Кроче замечает, что этот викианский принцип «логически смыкается» с абсолютным спиритуализмом, или, что для Кроче то же самое, – абсолютным историцизмом (нет никакой иной реальности, кроме духа, а так как дух есть история, то реальность – это история); это и понятно, ведь в построении собственной философии Кроче опирался на этот гносеологический принцип (и называл учение Вико одним из ее источников). И это в комплексе с признанием Вико мыслителем выдающимся и во многом опередившим в области философии его современников влечет за собой соблазн приписать ему те выводы, которых сам он не делал и не мог делать, так как, несмотря ни на что, принадлежал своему веку и свойственному ему состоянию знаний. Здесь Кроче рассуждает как историк философии, оберегая аутентичность взглядов Вико и следя за тем, чтобы в них не вторгались более поздние смыслы. В таком оберегании состоит тонкость историко-философской работы, ведь, с другой стороны, согласно Кроче, «история всегда современна» [см.: Кроче, 1998, с. 9–17], и устремленный

сущностями) человек формирует две вещи, “*duo sibi confingit*”: точку, которую нужно нарисовать, и единицу, которую нужно умножить...». И то, и другое – фикции, «потому что нарисованная точка уже не точка, а умноженное – уже не единица» [Croce, 1922, p. 10].

³ В ответ на утверждение Вико о том, что математик так же работает в мире линий и чисел с абстракциями, как Бог работает во Вселенной с реальностью, Кроче пишет: «Сходство математика с Богом не слишком отличается от сходства фальсификатора произведения с его автором: то, чем является Бог в универсуме реальности, человек является в универсуме величин и чисел, но эта Вселенная населена абстракциями и фикциями. Такая божественность, приписываемая человеку, – это почти комическая божественность» [Ibid., p. 11].

⁴ У Вико знание делится на *verum* – «истинное» и *certum* – «точно установленное», «достоверное».

в прошлое взгляд современного исследователя неизбежно несет в себе весь комплекс новых знаний и открытий, пережитых событий и смыслов, которых не было в багаже исследуемого автора.

В завершающем фрагменте Кроче с самоиронией отмечает необходимость напомнить читателю о его историко-этической формуле из «Философии практики» и работ по историографии, часто повторяемой им в статьях и эссе: история – это история человеческих действий, творящих ее и сохраняющихся в ней. Такие действия всегда индивидуально-универсальные, они же моральные, в то время как другие действия (не включающие в себя универсальное, т.е. аморальные, – поступки, направленные на зло) для Кроче, как и для Гегеля, нереальны, они не остаются в истории, не вносят вклада в ее развитие, не способствуют прогрессу.

Перевод подготовлен по изданию:

Croce B. Una questione di metodo nella storia della filosofia // Croce B. Filosofia e storiografia. Saggi. Bari: Gius. Laterza & Figli, 1949. P. 183–187.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бенедетто Кроче Вопрос о методе в истории философии

Деликатный вопрос, который возникает в ходе интерпретации мысли того или иного философа, состоит в том, чтобы определить, почему какие-то выводы или понятия остаются у него не проясненными: потому ли, что они и так считаются очевидными, или же они намеренно им не акцентируются и он оставляет их в тени из осторожности, или же, наконец, потому что мысль этого философа в определенном месте остановилась и не смогла (или не знала, как) идти вперед, выполнив ту часть работы, которую ей надлежало, – в соответствии со своим временем и тем духовным горизонтом, который в каждом человеке всегда ограничен (из-за чего ни одна философская система никогда не бывает завершена, все они всегда открыты и мысль каждый раз совершает новую работу). Этот вопрос, названный мною деликатным, указывает на то, что порой какие-то вещи философу не дано решить, и лучше оставить их в подвешенном состоянии.

Возьмем известную аксиому Вико: человек может в полной мере познавать историю, потому что творит ее сам; но не природу, поскольку природу творит Бог. Это утверждение не сводится к простой аналогии с замыслом Сократа отстраниться от спекуляций физики и метафизики, почти полностью занимавших его предшественников, и обратить умы к изучению человека. Высказывание Вико указывает на ограниченность – не качественную, но ставящую предел – человеческой мысли, и эта ограниченность вполне согласуется с католической религиозностью, коей он был приверженцем. Но стоит вместе с тем учесть, что Вико делает логическое допущение, позволяющее перейти этот предел; так, он выделяет теоретическую форму, которая, не будучи формой познания в полном смысле слова¹, создается человеком в целях практического использования, – математику; и, приписав способность

¹ Кроче, вероятно, имеет здесь в виду, что совершенной наукой, дающей истинное знание, может быть только наука о человеческом мире – история. Математика, из-за того, что она работает с абстракциями (линии и числа и пр.), не является столь же совершенной наукой (здесь и далее примеч. переводчика).

ее конструирования² человеческому духу, он не должен был бы отрицать правомочности той процедуры, в результате которой оформляется – именно посредством применения математики – мир природы, нереальный, но практически полезный. Но как бы то ни было, он провозгласил: *Geometrica demonstramus quia verum facimus; si physica demonstrare possemus, faceremus*³. И закрыл дверь на этом выводе. Если бы он оставил ее открытой, через нее хлынула бы вся прагматическая теория естествознания; сами же естественные науки, приняв этот вывод на свой счет, очистили от себя самих область философии, или, – если привлекательнее другой образ, – отступили в свое собственное царство, где стали абсолютными господами. Неужели он не видел ничего дальше? Возможно, что так, ибо то же произошло и с Гегелем после того, как он разработал свою теорию, потенциально революционную в части *Verstand*, абстрактно и произвольно мыслящего рассудка (откуда идет вся произвольность деления наук о природе, которую *Vernunft*⁴, то есть диалектика, постаралась не заметить, вычеркнуть или же свести к истине); вместо того, чтобы препятствовать самым решительным образом смешению двух методов, распознав их неоднородность, Гегель связал их друг с другом, превращая науки о природе в *Vorarbeit*⁵ философии, освящая философией понятия, рожденные от произвола⁶, а не от чистой добродетели истины. Возможно, здесь Гегеля сбил с пути процесс не спекулятивный, а психологический, когда неудовлетворенность внешним мышлением наук переходит, поднимаясь, к внутреннему мышлению философствования. Но такой психологический переход не был случаем Вико, или, по крайней мере, не заметно никаких следов его; стало быть, это было то место, на котором он остановился.

А, с другой стороны, что если Вико решил остановиться, страшась, к примеру, пропасти, с краю которой неслись, раздаваясь эхом, крики ненависти и проклятия и которая звалась «пантеизмом»? Что, если ум его отступил от дальнейших выводов или слово его замолчало, настороженно и боязливо? Это второе предположение кажется мне маловероятным, но я не решился бы безапелляционно исключить его после чуть более внимательного знакомства с некоторыми его заявлениями, а также после появления документов судебных процессов над неаполитанскими атеистами времен его юности, которые Николини⁷ нашел и изучил и которые говорят о вероятности того, что он в какой-то степени участвовал в этом интеллектуальном движении и был запуган действиями церковной инквизиции, ее тюрьмами и судами, и из-за этого он навсегда сделался осторожным и осмотрительным. Так или иначе, этот

² Согласно Вико, математика как символическая система создается, «изобретается» самим человеком. Она подвластна человеческой логике именно и только в силу того, что сам человеческий интеллект ее создал [см.: Berlin, 1980, p. 111–119].

³ «Мы доказываем геометрические <истины> постольку, поскольку мы их создаем; ежели мы способны были бы доказывать <истины> физические, мы создавали бы и их» (лат.) – Кроче с небольшой неточностью цитирует известную фразу из ранних сочинений Вико “De nostri temporis studiorum ratione” (1709) и “De antiquissima Italorum sapientia” (1711): [Vico, 1835, p. 13, 64].

⁴ Здесь: разум (нем.).

⁵ Подготовительную работу (нем.).

⁶ Кроче строго отличает чистые (универсально-конкретные) понятия, которыми мыслит философия и к которым применима диалектика, от понятий естественных наук (лишенных статуса универсальности) и понятий, которыми оперирует математика (лишенных конкретности). Понятия естественных наук, их объединения и классификации имеют практический смысл, подобно тому, как используются каталоги книг в библиотеке, но все действия с ними носят произвольный характер [см.: Croce, 1909, p. 48–49].

⁷ Николини, Фаусто (1879–1965) – историк, архивист, издатель. Автор исторических и биографических книг о Вико, издатель и комментатор его трудов, автор биографии Кроче. Николини познакомился с философом в 1903 г., после чего их связывало многолетнее сотрудничество, где Кроче выступал в роли наставника.

вопрос остается, по крайней мере, на данный момент (если не появятся новые документы) нерешенным и подвешенным.

Учение абсолютного спиритуализма, относящее природу к духу (ибо внешняя по отношению к духу реальность есть не что иное, как понятие, вылепленное духом для своих целей, единственной же реальностью является история), логически соединяется с гносеологическим принципом Вико; но такое соединение – шаг вперед, сделанный нами самими со всей ответственностью, и его нельзя приписать Вико. Если бы мы рассудили иначе, то уподобились бы тем фанатичным, но неразумным почитателям поэтов и философов, которые находят в них все, что когда-либо было сказано или может быть сказано, – все истины и все науки, все способности и умения, как это случилось в отношении Данте⁸. По этому поводу остроумный неаполитанский филолог Эммануэле Рокко⁹, обзревая серию таких открытий Данте-астронома, Данте-земледельца, Данте-охотника и т.д., не удержался под конец от их пародирования в дополнительном эссе о «Данте-поваре».

И в отношении Вико, когда к нему пришла слава в первой половине XIX в., допускались слишком широкие трактовки, а хвалебные слова в адрес его работы приобретали форму энциклопедических каталогов. Так что я, не ставя под сомнение его исключительности, уникальности его случая – того, что он предвосхитил ряд новых наук, понятий и проблем, которые девятнадцатый век затем тщательно разрабатывал и описывал во всех подробностях, – возвращаясь к интерпретации Вико, с вниманием следил за тем, чтобы удержать силу его творческого гения в пределах его личности, сколь бы великой и мощной она ни была, и поэтому я соизмерял то новое, что было им продумано, с состоянием знаний его времени, столь поразительно далекого ему; и я старался избежать того, чтобы опыт и культура девятнадцатого века влились в его, в сущности своей, век семнадцатый: если бы такое могло произойти, это было бы скорее абсурдом, чем чудом.

Приведенный пример, указывающий на невозможность установить у автора те или иные связи идей и возникающее отсюда подозрение в том, что таковых и вовсе не существовало в его уме – ни как подразумеваемых, ни как нарочно умалчиваемых, – мог бы вызвать скептическое недоумение по поводу самой возможности реконструкции этой мысли. Но такого рода смущение и отчаянное отступление были бы продиктованы, по правде говоря, игрой воображения.

Я снова завожу свою пластинку, даже с риском самому прослыть заезженным, словно пластинка, и повторяю аксиому (которую Вико на латинский лад назвал бы «авторитетным суждением») о том, что реально лишь дело, получающее осуществление, а отнюдь не психология индивидов, которая, вольно или невольно, выступает в роли орудий оного, и что история есть история реальности и тем самым история действия. И теперь, что еще мы хотим знать о действии, как не то, сколько прошлого и какое было им заряжено, сколько настоящего и какое было им произведено и сколько будущего и какое было им порождено?

И поскольку в результате историко-философского анализа мы убеждаемся в том, что Вико признавал в человеке наличие божественной способности к полному познанию и пониманию истории человечества и что береженное им для Бога познание природы оказалось в противоречии (или по логике вещей должно было бы быть признано как противоречащее) той теории, в которой он приписал человеческому уму

⁸ Поэзии Данте Кроче посвятил книгу, где в приложении был дан анализ истории критики этой поэзии [см.: Croce, 1921, p. 171–205].

⁹ Рокко, Эммануэле (1811–1892) – итальянский лексикограф, профессор филологии, переводчик с древнегреческого и латинского языков, автор исторического словаря неаполитанского диалекта в четырех томах (полностью опубликован только в 2018 г. под редакцией А. Винчигуэрры [Rosso, 2018]).

способность формировать для своего употребления математику, а вместе с ней и сам метод естествознания, что еще нам важно знать? Что Вико этого не осознал или что осознал, но не отважился сказать? Но скольких других последствий мы ежедневно не осознаем или не осмеливаемся назвать! Все это имеет отношение лишь к нашей психологии – нашей усталости, рассеянности или робости, а не к логике дела, которая одна принадлежит истории.

*Перевод с итальянского языка и примечания
Ю.Г. Россиус*

Список литературы

- Кроче, 1999 – Кроче Б. Антология сочинений по философии / Пер. с итал. С. Мальцевой. СПб.: Пневма, 1999. 480 с.
- Кроче, 1998 – Кроче Б. Теория и история историографии / Пер. с итал. И.М. Заславской. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.
- Berlin, 1980 – Berlin I. Vico's Concept of Knowledge // Berlin I. Against the Current. New York: The Viking Press, 1980. P. 111–119.
- Croce, 1907 – Croce B. Ciò che è vivo e ciò che è morto della filosofia di Hegel: Studio critico seguito da un saggio di bibliografia hegeliana. Bari: Laterza, 1907. XVII p., 282 p.
- Croce, 1909 – Croce B. Logica come scienza del concetto puro. Bari: Laterza, 1909. XXIII p., 430 p.
- Croce, 1921 – Croce B. Poesia di Dante. 2 ed. Bari: Laterza, 1921. 213 p.
- Croce, 1922 – Croce B. La filosofia di Giambattista Vico. 2 ed. Bari: Laterza, 1922. XI p., 350 p.
- Croce, 1949 – Croce B. Filosofia e storiografia. Saggi. Bari: Laterza, 1949. VIII p., 375 p.
- Rocco, 2018 – Rocco E. Vocabolario del dialetto napoletano / A cura di A. Vinciguerra. In 4 vols. Firenze: Accademia della Crusca, 2018.
- Vico, 1835 – Vico J.B. Opera latina / Rec. et illustr. J. Ferrari. T. I. Mediolani: Societas Typographica Classicorum Italiae Scriptorum, 1835. XXIV, 354 p.

Benedetto Croce

A Question of Method in the History of Philosophy

Preface, translation and commentaries by Julia G. Rossius

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: jularossius@yandex.ru

This publication presents a translation into Russian of Benedetto Croce's essay from one of his later books "Philosophy and Historiography". Here he raises the question of how the historian of philosophy should interpret those moments when the reasoning of a philosopher who is being studied is accidentally or deliberately not cleared up by him, or its development stops at a certain point. Considering the possible reasons for this, Croce touches on several themes to which his earlier writings were devoted and to which he returned throughout his scholarly life. Thus, he draws attention to the contradiction in the theory of knowledge of G. Vico, which consists in the application of the principle of *verum-factum* not only to history, but also to the mathematical sciences: on the one hand, only God can achieve truth in knowledge of nature, since he created nature, and on the other hand, truth in mathematics is available to man, since he "creates" mathematical elements and operations, and with them the method of natural science. Croce also points as an example to one of the contradictions in Hegel's philosophy of nature, which consists in the confusion of empirical and speculative methods. It led to the endowment of the natural sciences with the status of "semi-philosophy", to the untrue application of dialectics to the facts and concepts of the natural sciences. Convinced that the *verum-factum* formula can be combined with the teaching

of absolute spiritualism, Croce warns against attributing such a connection to Vico himself, as this would mean incorporating later experience and a state of knowledge into his theory.

Keywords: method, dialectic, historicism, absolute spiritualism, verum-factum, historiography, B. Croce, G. Vico

References

Berlin I. Vico's Concept of Knowledge. In: Berlin I. *Against the Current*. New York, The Viking Press, 1980, pp. 111–119.

Croce B. *Antologiya sochinenii po filosofii* [Anthology of Works on Philosophy], trans. by S. Mal'tseva. St.-Petersburg: Pnevma Publ., 1999. 480 p. (In Russian)

Croce B. *Filosofia e storiografia. Saggi*. Bari: Laterza, 1949. VIII p., 375 p.

Croce B. *La filosofia di Giambattista Vico*. 2 ed. Bari: Laterza, 1922. XI p., 350 p.

Croce B. *Teoriya i istoriya istoriografii* [Theory and History of Historiography], trans. by I.M. Zaslavskaya. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 192 p. (In Russian)

Croce B. *Ciò che è vivo e ciò che è morto della filosofia di Hegel: Studio critico seguito da un saggio di bibliografia hegeliana*. Bari: Laterza, 1907. XVII p., 282 p.

Croce B. *Logica come scienza del concetto puro*. Bari: Laterza, 1909. XXIII p., 430 p.

Croce B. *Poesia di Dante*. 2 ed. Bari: Laterza, 1921. 213 p.

Rocco E. *Vocabolario del dialetto napoletano*, in 4 vols, ed. by A. Vinciguerra. Firenze: Accademia della Crusca, 2018.

Vicus J.B. *Opera latina*, rec. et illustr. J. Ferrari. T. I. Mediolani: Societas Typographica Classicorum Italiae Scriptorum, 1835, XXIV p., 354 p.